

УДК 215

Р. А. Иванова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ КАК ИСТОЧНИК РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Рассматривается проблема источников внутриконфессиональных конфликтов. Анализируется специфика религиозных конфликтов, возникающих в христианской церкви. Раскрываются различные проявления индивидуального религиозного опыта, приводящие к формированию альтернативного мировоззрения и, как следствие, возникновению внутриконфессионального конфликта.

Религиозный опыт, религиозный конфликт, религиозное мировоззрение, Христианская церковь, ересь

Проблема религиозных конфликтов остается актуальной на протяжении всего времени существования религии как таковой. В литературе подобный тип конфликта трактуется как активное противостояние религиозных индивидов и групп по поводу различных позиций в вопросах вероучения, религиозного культа и правил построения религиозных организаций. Религиозный конфликт может выражаться в форме разногласий и споров, конкуренции и борьбы, конфронтации и религиозной вражды вплоть до крайней формы – религиозной войны. Анализируя религиозные конфликты, «мы сталкиваемся с особым духовно-эмоциональным фактором – религиозной верой, с ее уникальной способностью концентрировать психическую и физическую энергию верующего. Неслучайно еще классики теории конфликта (Р. Дарендорф, К. Боулдинг) обращали внимание на иррациональный, нереалистический, спонтанный, экспрессивный характер религиозных противостояний [1, с. 349]. Особенностью религиозных конфликтов является то, что они касаются духовной сферы, внутреннего мира верующих, связанного с миром иным, божественным.

По мере развития познания о внешнем мире и под влиянием социальных изменений моральные и религиозные идеи человечества постепенно, но непрерывно трансформировались. И как закономерное следствие в течение жизни последующих поколений ранее воспринимаемые религиозные идеи о трансцендентном вступают в противоречие с окружающей реальностью, становятся объектом размышлений и комментариев. Сложившееся ранее представление о Божестве подвергается сомнению, в него могут вноситься поправки и дополнения под влиянием меняющихся реалий существующей действительности. Образ Бога, отраженный в проповедях пророков, праотцов, подвижников и провидцев именно для них заключал в себе абсолютную ценность, но изменяющиеся нравственные идеалы и растущий уровень интеллектуального развития общества приводили к тому, что эта ценность начинала утрачивать свою значимость. Многие сущностные характеристики Божества стали представляться неактуальными и даже, более того, нелепыми и, как следствие, к ним начинали подходить с позиций критического разума. Таким образом, начинало происходить переосмысление как внешних, так и внутренних установок в отношении трансцендентного, что приводило к частичному или полному пренебрежению религиозным культом и дальнейшему его разрушению, либо к реформаторству основных догматических определений, подвергаемых критическому переосмыслению и модернизации.

Религиозный опыт вырабатывается коллективно, соборно и фиксируется в системе ортодоксии. Однако именно в рамках индивидуального религиозного мировоззрения оцениваются чуждые этому опыту религиозные переживания. В свою очередь индивидуальное религиозное мировоззрение является итогом как реальных социальных условий, в которых находится верующий, так и тех представлений и образов, соответствующих его религиозному сообществу. Помимо этого, на формирование религиозного мировоззрения, несомненно, влияют и индивидуальные психические особенности самого верующего человека. Как следствие, в системе ортодоксального учения возникает альтернативное мировоззрение, онтологическим основанием которого выступает индивидуальное переосмысление традиционного понимания трансцендентного, которое трактуется церковью как еретическое. При этом следует отметить, что «не только “внутренний” конфликт между благочестием и грехом, между «духом» и искушениями «плоти» неизменно сопутствует религиозной жизни в самых разнообразных вариантах, но и конфликт между религиозной совестью и гражданским долгом, нормами евангельской морали и политически ответственным поведением, между «человеческим законом» и «абсолютной божественной нормой» [2, с. 190].

Структурно сфера религии представляет собой две взаимодополняющих и взаимопроницающих области, достаточно часто вступающих друг с другом в противоречивые отношения, способные привести к противостоянию и даже к открытому конфликту.

Первую область представляет собой религия как учреждение, сущностными чертами которой является все, что включается в понятие ортодоксии, а именно: внешний культ, теологические системы, догматические установки, обрядность, церковные организации и т. д. Вторая область охватывается личными, внутренними переживаниями верующего, или иначе, представляет собой его индивидуальный религиозный опыт. Следует отметить, что индивидуальный религиозный опыт может иметь двойственный характер. С одной стороны, он может подчиняться уже укоренившейся традиции, которая сформирована и передана ему предшествующими поколениями и ограничена системой ортодоксии, с другой стороны, это может быть опытом людей, для которых религия не представляет собой простую привычку, а является определенным душевным состоянием, эмоционально окрашенным и внутренне противоречивым. В такой ситуации религиозный человек сам для себя вырабатывает пути поиска истины, в которых посредничество институтированной церкви между личностью и божеством не является определяющим.

Еще в начале прошлого века известный американский исследователь Вильям Джемс в своей работе «Многообразие религиозного опыта» писал, что «каждое религиозное явление имеет свою историю и своих предшественников» [3, с. 21]. В соответствие с этим Церковь, которая когда-либо была институционально оформлена, продолжает свою деятельность в рамках закрепленной традиции. Несомненно, что для тех, кто стоял у истоков создания Церкви, в качестве источника религиозного вдохновения всегда выступал свой собственный, индивидуальный религиозный опыт, основанный на непосредственном, личном обращении к божеству.

Вокруг религиозных подвижников, вдохновленных откровением, постепенно образуется определенная группа людей, сохраняющих и проповедующих их религиозное учение. Став многочисленной и достаточно могущественной группой, адепты образуют самостоятельную Церковь, в которой достаточно быстро начинают развиваться корпоративное мышление и честолюбие. Но, если появляются люди или даже целая их группа, убежден-

ные, что именно они обладают истиной, любое мнение, противоречащее их собственному, или любое притязание на новую истину будет ими безапелляционно отвергаться и объявляться еретическим. Еретиками Церковь объявляла всех, кто, основываясь на личном религиозном опыте, пытался переосмыслить как догматические определения, принятые на Вселенских соборах, так и религиозную практику, вследствие чего и этот индивидуальный религиозный опыт фиксировался Церковью как еретический, потому что он был альтернативен в отношении соборного церковного опыта.

Вся история раннего христианства, изобилующая многочисленными ересями, основаниями которых был индивидуальный религиозный опыт различных «ересеучителей», служит прекрасной иллюстрацией этого тезиса. Например, во Фригии во второй половине второго века стала широко известна христианская секта, которую ее приверженцы называли «Новое пророчество». У истоков этой секты стоял так называемый пророк Монтан, экстатические откровения которого обещали второе пришествие Мессии. С достаточно большим количеством последователей «монтанизм представлял собой первую массовую версию христианства» [4, с. 131]. Профетизм Монтана, в котором якобы воплотился Святой Дух для подготовки второго пришествия Мессии, будет крайне опасен для институтированной христианской церкви, которая уже в четвертом веке всех последователей Монтана объявит еретиками. Монтан в своих проповедях ссылаясь на откровенное знание, говорил, что его устами вещает сам Христос, и это «новое пророчество» освободит христианство как от связей с иудаизмом, так и от гностицизма последователей Маркиона Синопского. Таким образом, в первой трети IV в. христианской церковью был догматически оформлен Символ веры, целью которого, в том числе был запрет любых озарений, представляющих собой новые откровения о вести Христовой. Начиная с этого времени, бесспорными в рамках ортодоксии будут считаться только откровения Святого апостола Павла.

«В специфической области религиозного опыта для многих людей предмет их веры является не в форме отвлеченного понятия, которое разум признает истинным, а в форме реальности, постигаемой непосредственно почти в чувственном восприятии» [3, с. 64]. Верующие, испытывающие эти чувства, постигают религиозную истину в результате откровения, поэтому логические доводы и выводы не принимаются ими во внимание и вообще не представляют для них какого-либо значения. Истина, полученная в результате чувственного восприятия, будет иметь право на существование, если она достаточно яркая, новая и психически заразная. А чтобы истина обладала способностью внушения и соответственно находила поддержку у окружающих, ее должна подкреплять сила личной веры и религиозный энтузиазм. По поводу понятий веры и религиозного энтузиазма у христианской церкви не возникает негативной реакции, более того, они поддерживаются. Однако «новизна», каким бы образом она не проявлялась, вызывает у институтированной христианской ортодоксии как минимум некоторую настороженность, потому что вся религиозная истина уже закреплена в Святом Писании и Святом Предании, и, как следствие, Церковь критически относится к возникновению именно новых религиозных идей и всячески препятствует их широкому распространению. С любым новшеством, пытающимся занять нишу на институализированном пространстве Церкви, она ведет борьбу и интеллектуальную, и практическую, доходящую до физического уничтожения «носителей» новой идеи. Следует отметить, что институализированной религии большинства вести практически непрерывную внутреннюю борьбу с живой религией меньшинства более сложно,

чем преодолевать препятствия, встречавшиеся на пути становления христианства господствующим религиозным мировоззрением.

Как правило, индивидуальное субъективное понимание окружающей действительности побуждает человека к движению вперед, а все запреты, ограничения и законы этой действительности будут сдерживать это движение. Стремление к деятельности, овладевающее человеком, основывается и подкрепляется его практическим опытом. В такой ситуации можно допустить, что интеллектуальная и практическая деятельность будет направлена на преодоление некоторых ограничений и запретов в рамках существующей традиции. Естественным, что деятельная личность должна обладать такой существенной чертой характера как способность настойчиво следовать своей цели, иногда даже разрушительно воздействуя на ограничительные рамки традиции. И вся история христианских ересей демонстрирует, что любому ересеучителю присущи как упорство в отстаивании своих идеалов, так и настойчивость в достижении цели, что в свою очередь вынуждает христианскую церковь не только к активной интеллектуальной защите своего учения, но и к применению крайних мер, вплоть до физического уничтожения своих оппонентов.

Следует отметить мистическую окрашенность индивидуального религиозного опыта, на котором основывается мироощущение верующего. Осознать мистическое переживание можно только испытав его лично, при этом все мистические переживания присущи эмоциональной сфере, а не интеллектуальной. Мистические переживания в данной ситуации являются оригинальной формой познания окружающего мира, с их помощью постигаются глубины религиозной истины, а обострение религиозного чувства, с точки зрения мистика, воспринимается как откровение о присутствии Бога.

Христианская церковь, признавая это духовное состояние, крайне осторожно к нему относится, видя в нем возможность появления многочисленных пророчеств. Следует отметить, что в лоне христианской церкви всегда находились мистики, при этом ко многим из них церковное большинство относилось с опаской и недоверием, а некоторые, особенно деятельные, обвинялись в ереси. Эта ситуация особенно была характерна для раннехристианской церкви. При этом мистический опыт некоторых религиозных деятелей, испытавших мистические озарения, все же был ортодоксально закреплён, и положен в основание мистической теологии, объявляющей, что высшие ступени мистического опыта могут быть достигнуты лишь путем методического возвышения души к Богу, т. е. молитвой и «размышлением».

Человеку как существу, обладающему интеллектом, свойственно осмыслять идеалы или результаты, полученные в процессе собственных религиозных переживаний. Эти осмысления должны согласовываться с реальностью, окружающей его в данный момент. Чувство божественного истолковывается рассудком верующего так, чтобы оно не вступало в конфликтное противоречие с его интеллектуальными возможностями и способностями.

Авторитетность мистических переживаний несомненна для людей, которые их испытали, для не имеющих же такого мистического опыта он не имеет авторитетного значения и с их стороны подвергается критике. Характеризуя мистическое сознание, уже упомянутый нами американский философ и психолог Вильям Джеймс указывал на его пантеистичность и способность подрывать авторитет рационалистического сознания. Мистическое сознание находится в гармонии с тем душевным состоянием, которое соответствует отчужденности от окружающей реальности.

Индивидуальный мистико-религиозный опыт является частным и достаточно своеобразным проявлением индивидуального религиозного опыта, не воспроизводящим его полных характеристик. Поэтому немаловажное значение в творческой деятельности интеллекта, направленной на осмысление религии, имеют индивидуальный этический и эстетический опыт.

Практически все церковные системы обеспечивают удовлетворение эстетических потребностей своих адептов, что позволяет значительно увеличивает власть институтированной церкви над человеческой природой. В церкви, как и в любой социальной организации, всегда существовала категория людей, которые в своем воображении стремятся к внешнему блеску и пышности, и которых религия, существующая только для них, не может удовлетворить. Таким образом, возникает потребность в сложно устроенной иерархии, нисходящей от самого Божества, выступающего источником и кульминационным пунктом актуальной религиозной системы. Однако в рамках церковного сообщества есть и отличная от первой категория людей, для которых простая жизнь, не усложненная каким-либо украшательством, выступает в качестве идеала. Обычно этические и эстетические интенции сознания таких людей направлены на очищение и упрощение прежде всего собственной жизни и органично согласованы с окружающей их действительностью. Для них идеалом является аскетизм.

Если посмотреть на историю христианской церкви, в ней найдется множество примеров осуждения результатов индивидуальных религиозных переживаний со стороны ортодоксии, которые совершенно неприемлемы для нее. Это касается и аскезы, которая не подпадает под контроль церковной иерархии и таким образом может трансформироваться в ересь. Так произошло с представителями секты энкратитов, проповедовавших полное воздержание и отречение от мира и осужденных за это христианской церковью. В том числе и за крайний аскетизм был подвергнут осуждению и монтанизм. Уже в пятом веке ортодоксальное христианское большинство ополчилось на последователей учения Пелагия, которые заявляли, что достаточно только усилий личной воли, чтобы достигнуть состояния безгреховности, т. е. благодаря собственным волевым усилиям человек может противостоять своим греховным склонностям. Очевидно, что подобные интенции неизбежно приведут к выводу об отсутствии необходимости в искуплении, покаянии и прощении, являющихся прерогативой Церкви и духовенства, поэтому ортодоксальное христианство категорически не может их принять, потому что следующим шагом будет признание ненужности как самого клира, лишённого своих функций, так и всего института Церкви.

Впервые за историю своего существования Русская православная церковь столкнулась со сходной проблемой в XIV веке, когда в ее лоне появилось первое крупное еретическое движение стригольников. Следует заметить, что путь стригольников к отрицанию церковной иерархии был несколько иным, чем у тех же последователей Пелагия. В первую очередь стригольники протестовали против церковного «мздоимства» и выступали за «благодать» священства. На этой почве у них формировалась и развивалась идея «нестяжательства» – они не только проповедовали нравственный образ жизни и постничество, но и сами строго следовали своим проповедям, что привлекало к ним многочисленных сторонников и сочувствующих. «Идеалом стригольников была простая Церковь, лишенная богатств, пышной обрядности и духовенства» [5, с. 52].

Таким образом, можно сказать, что личность, размышляющая над противоречиями, порожденными несоответствием внешнего мира собственным внутренним установкам,

старается сосредоточить свое сознание в границах чистой духовности, исключив из собственного отношения к внешней реальности все, что этому мешает. Для деятельного типа личности характерно достигать духовной гармонии объективным путем, т. е. борьбой с беспорядочностью и противоречиями внешней жизни. Это противостояние внешней реальности может перейти в форму открытого конфликта и, как следствие, к образованию многочисленных ересей и даже еретических движений, преследуемых как со стороны Церкви, так и со стороны государства, оказывающего поддержку данной Церкви. Так было, например, с еретическим движением вальденсов, распространившимся в Европе в конце XII в., которое привлекало к себе верующих из различных социальных слоев. Последователи этого еретического движения подвергались гонениям, как со стороны духовной, так и со стороны светской власти.

Однако это противостояние с противоречиями внешней реальности может протекать достаточно пассивно, переходя в латентную форму конфликта. При этом единственными способами служения Богу объявляются молитва и созерцательное сосредоточение, что так же как и открытые проповеди и пророчества вызывает негативную реакцию со стороны христианской церкви. Примерами проявлений пассивного противостояния в истории христианства были квиетизм и исихазм. Квиетизм проповедовал мистико-созерцательное отношение к миру, пассивность и полное подчинение божественной воле, таким образом, представляя собой религиозно-этическое учение. Исихазм же оформился как этико-аскетическое учение, призывающее человека к единению с Богом через сосредоточение сознания и очищение сердца слезами.

При этом крайние проявления отрешения от мира и отречения от личной воли так же вызывают возмущение христианской церкви и объявляются ересью, потому что такая позиция позволяет верующему обходиться без упражнений в добродетели под контролем Церкви, без церковных таинств, и, в конце концов, без самой Церкви. Например, приверженцы испанской ереси Алумбрадос, распространившейся в XVI в., «отрицали авторитет формального богослужения, отказывались от любой внешней практики во имя всего того, что творилось в лоне их собственного сознания: они ожидали озарения или просвещения Божественной Любовью – момента, в котором всякая другая духовная практика оказывается превзойдена, будь то церковные таинства или умозрительная теология» [6, с. 112]. Примером может служить еще одна испанская ересь уже XVII в., автором которой был священник Мигель Молинос, проповедующий, что «в бездействии индивидуальная душа уничтожается и возвращается к своему изначальному принципу, каковой и есть Божественное Естество» [4, с. 184].

В заключение подчеркнем, что индивидуальный религиозный опыт, имеющий многие проявления (мистические, этические, эстетические), является основой альтернативного мировоззрения в религии. Являясь религиозным феноменом, индивидуальный религиозный опыт включает в себе субъективные переживания личности, в которых она чувствует свою сопричастность с трансцендентным. В сочетании с другими элементами духовной сферы окружающего мира (политикой, наукой, моралью, философией и т. д.) многообразие религиозного опыта будет служить источником и толчком возникновения множества альтернативных вероучений, вступающих в конфликт с христианской традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристова А. В. Религиозные конфликты в их природе и типологии // Вопросы религии и религиоведения. Вып. VI. Ч. 2. Антология отечественного религиоведения: религиоведение Украины. 2010. С. 341–349.
2. Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 348 с.
3. Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: КомКнига, 2010. 416 с.
4. Аннаньель Т. Христианство: догмы и ереси. СПб.: Академ. Проект, 1997. 352 с.
5. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.–Л.: АН СССР. 1955. 573 с.
6. Устинова И. В. К проблеме философского анализа литературного произведения. Поэма Луиса де Гонгоры-и-Арготе «Уединения» // Вестн. БурГУ. 2010. № 14. С. 109–115.

R. A. Ivanova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

INDIVIDUAL RELIGIOUS EXPERIENCE AS A SOURCE OF A RELIGIOUS CONFLICT IN CHRISTIAN TRADITION

The problem of sources of intra religious conflicts is considered. The specific character of religious conflicts arising in the Christian church is analyzed. Various manifestations of individual religious experience leading to formation of alternative outlook and, as a result, emergence of the intra religious conflict are revealed.

Religious experience, religious conflict, religious outlook, Christian church, heresy

УДК 111

К. А. Очеретяный

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

РЕАЛЬНОСТЬ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ГОРИЗОНТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Обосновывается возможность применения к аналитике медиареальности понятий и подходов, разработанных в традиции русской философии. В ситуации высокотехнологичной медиареальности (умной среды) подходы русской философии с их пониманием бытия как смысловой оформленности и умной действительности оказываются чрезвычайно актуальны. Вопросы же осетвления сознания, экранирования чувственного опыта, перевода повседневности в медийный формат созвучны поискам русской мысли: вопросам о полноте самоосуществления человека, соборности человеческого сообщества, софийности творения.

Медиареальность, высокие технологии, софийность творения, техническая медиация

София как искусство ума и умная действительность. Историки философии отмечают, что слова σοφία и σοφος со времен Гомера употреблялись в контекстах описания практики, подчиненной длительной выучке, следованию установленным правилам, пре-

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-03-50159 а(ф) «Концептуальный язык русской философии как инструмент исследования медиареальности».